ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (б-ков).

НАИМЕНОВАНИЕ ИЗДАНИЙ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ.

	р.	к.
Авдеев, Н. Революция 17-го года. Т. I (январь—апрель)	—	60
„ „ „ Т. II (апрель—май)	3	—
Владимирова, В. „ „ Т. III (июнь—июль)	2	50
„ „ „ Т. IV (июль—сентябрь)	—	—
Рябинский, К. „ „ Т. V (печ.)	—	—
„ „ „ Т. VI (печ.)	—	—
Максаков, В. и Нелидов, Н. Хроника революции. Вып. I	—	70
Революция и Р. К. П. в материалах и документах. Т. I	2	75
„ „ „ „ „ II	3	—
„ „ „ „ „ V	—	—
„ „ „ „ „ VI (печ.)	—	—
„ „ „ „ „ VII (печ.)	—	—

СБОРНИКИ, СТАТЬИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

	р.	к.
Аркомед, С. Рабочее движение и с.-д. на Кавказе	—	40
Большевистские тайные типографии	—	50
Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ (1911—1914 г.г.) Сб. I	—	30
„ „ „ „ Сб. II	—	40
„ „ „ „ Сб. III	—	—
Невский, В. Николаевский Южно-Русский Рабочий Союз	—	13
Ольминский, М. Из прошлого. Сборник статей	—	25
Шляпников, А. Канун 17-го года. Часть I (2-е издание)	1	20
„ „ „ „ II (3-е издание)	—	85
„ 17-й год. Кн. I (1-е издание)	1	—
Лелевич, Г. В дни Самарской Учредилки	—	6
Павлович, М. (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия	—	12
„ „ Россия и капиталистическая Франция	—	12
Бубнов, А. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России	—	6
К 25-летию I съезда партии. (Сборник)	1	10
25 лет Р. К. П. Иллюстрированный юбилейный сборник	4	—
Свечников. Революция и гражданская война в Финляндии	1	—
Пионтковский, С. Октябрьская революция, ее предпосылки и ход	1	—
Революция на Дальнем Востоке. Сборник I	3	—
20 лет рабочей организации в гор. Муроме, Кулебаке, Выксе и друг., сборник	2	25
Волков, Е. Революционное движение среди черноморских моряков	2	50
Техника большевистского подполья. Сборн. том. I	3	—
„ „ „ „ „ II	1	80

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ.

	р.	к.
„Пролетарская Революция“. Журнал №№ 1—29	—	—

БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ.

	р.	к.
Сборник воспоминаний о Федосееве	—	70
Старый товарищ А. П. Скляренко. 1870—1916 г.г.	—	30
Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой. Сборник воспоминаний	—	20
Рябинин, А. Семенчиков, Р. М. (Из истории рабочего **движения** в **Иваново-**Вознесенске)	—	20
Александрова. Артем	—	50
Фурманов, Д. Чапаев	1	—
„ „ (2-е издание)	1	25
От группы Благоева к Союзу Борьбы (1885—1894 г.г.). Сб. Ч. 1	—	13
Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. (Воспоминания рабочего-**революционера**. Ч. I. До **лета** 1896 г.)	—	30

ИСТПАРТ

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 6 (29)

Июнь 1924 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 7500. Главлит. № 22245. Москва. Напеч. 10.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I. — СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ.

Стр.

А. И. Рыков. Виктор Павлович Ногин (некролог) . . . . I-IV
А. Шлихтер.—Ильич, каким я его знал 5
К. Остроухова.—Отзовисты и ультиматисты 14
С. Лившиц.—Каприйская партийная школа (1909 г.) 33
Н. Авдеев.—Большевистская работа во флоте и армии накануне февральской революции 75
Н. Батурин.—О влиянии крупной и мелкой буржуазии на рабочее движение (ответ т. Лелевичу) 95
И. Катаев.—Аграрное движение 1905 г. в Тамбовской губернии 103
Р. Ковнатор.—Рабочее и с.-д. движение в Кинешемском районе (1897—1910 гг.) 136
Н. Бухбиндер.—Белостокская бойня 1904 г. 186

ОТДЕЛ II. — МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.

К истории отзовизма (приложение к ст. *К. Остроуховой*) 193
Секретные документы о царской армии во время мировой войны (приложение к ст. *Н. Авдеева*) 208
Как усмиряли тамбовских крестьян в 1905 г. (приложение к ст. *И. Катаева*) 211
Из кинешемской с.-д. нелегальной литературы (приложение к ст. *Р. Ковнатор*) 241
Освобождение Х. Г. Раковского из румынской тюрьмы (1 мая 1917 г.) . . 249

ОТДЕЛ III. — БИБЛИОГРАФИЯ.

Д. Фурманов.—А. Серафимович, „Железный поток“ 256
И. Антокольский.—„Путь к октябрю“, в III изд. Моск. Испартотдела . . . 261
М. Мальт.—„Страницы борьбы“, сборник Николаев. Испартотдела 263
А. Ширямов.—„Дальистпарт“, кн. I 266
С. Познер.—„Былое Урала“ № 3, изд. Башкир. Истпартотдела 270
Л. Лежава.—Б. И. Горев, „Из партийного прошлого“ 272
Г. Лелевич.—М. Моршанская, „Ткач Федор Афанасьев“ 275
Н. Нелидов.—„Архив русской революции“, томы IX—X. Берлин 276

стояние армии и флота перед февральской революцией, нарисовать полную картину революционного движения среди солдат и матросов и выяснить в этом движении роль большевистской агитации и пропаганды.

В данной небольшой статье мы ставили своей задачей дать, на основании отрывочных сведений, лишь приблизительно картину состояния армии и флота перед февральской революцией и на отдельных примерах показать, что так называемое «разложение» армии и флота началось *раньше* революции, и что это «разложение» ускорялось не только стихийным ходом экономических и политических событий, связанных с империалистической войной, но также, хотя и в меньшей степени, и сознательным вмешательством в этот ход событий со стороны большевиков и тех групп, *которые разделяли их последовательную* интернационалистическую позицию и, с своей стороны, содействовали «разложению» армии.

Н. Авдеев.

О влиянии мелкой и крупной буржуазии на рабочее движение.

(Ответ тов. Лелевичу).

I. Не столько о «корнях», сколько о схоластиках.

Выступив на защиту «обычного марксистского взгляда», как единомышленник тов. Астрова, тов. Лелевич дал типичный образец весьма распространенных, «обычных», но совсем не марксистских суждений об оппортунизме в рабочем движении. В самом деле: ряд отдельных положений о «социальных корнях» «экономизма» и меньшевизма, о либерально-буржуазном уклоне I Интернационала и мелко-буржуазном — II-го, тов. Лелевич ухитрился свести к схоластическому вопросу: что есть оппортунизм?

Такой постановке вопроса у тов. Лелевича соответствует и его «метод исследования». Желая во что бы то ни стало установить «мелко-буржуазность» оппортунизма, с которой я, по его мнению, «не согласен», он усердно и обстоятельно выписывает цитаты из Ленина (томы и страницы точно указаны), где Ленин *называет оппортунизм мелко-буржуазным, при чем он, тов.* Лелевич, совершенно обходит или запутывает выдвигаемый мною вопрос о том, в чем выражается влияние мелкой и крупной буржуазии — и не на «оппортунизм вообще», а на различные непролетарские уклоны в рабочем движении в разное время и при различных обстоятельствах.

Возражая против «обычных» взглядов, я говорил, что высококвалифицированного «потомственного» пролетария крупного промышленного предприятия нельзя валить в одну «мелко-буржуазную» кучу с полукрестьянской массой и что «аристократические» интересы «верхушки» в важнейших вопросах экономической жизни (колониальная политика и пр.) всегда связывались с интересами не крупной, а мелкой буржуазии.

А тов. Лелевич в защиту «обычных» взглядов дает нам следующие образчики схоластики:

1) Квалифицированного и т. д. пролетария нельзя назвать мелким буржуа в точном смысле (значит, можно назвать в неточном смысле? в каком?) но еще меньше его можно назвать капиталистом и следовательно (!) этот довод (какой довод?) не выдерживает критики.

Итак, запомним: пролетарий есть пролетарий, но отнюдь не капиталист, и его только иногда (когда понадобится тов. Лелевичу) можно назвать мелким буржуа, да и то только в неточном смысле.

2) ...«мелко-буржуазный слой рабочих, смыкая свои ряды с мещанством, тем самым связывает свою судьбу с крупной буржуазией».

Казалось бы, что если исходным пунктом берется «мелко-буржуазный слой рабочих», то его «мелко-буржуазность» уже достаточно обличена и для доказательства «обычного» взгляда вовсе и не нужно «смыкать» его еще с мелкой буржуазией. Если эта схоластика чем-нибудь отличается от средневековой, то только недостатком логики!

Обратимся теперь к аргументам «от Ленина». В подтверждение своих схоластических рассуждений тов. Лелевич почему-то нашел нужным привести следующие слова Ленина о мелкой буржуазии: «...живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле места в общественном производстве), и в образе мыслей она идет за буржуазией». Казалось бы, что эти слова Ленина только подтверждают («с другого бока») то мое «необычное», по мнению тов. Лелевича, положение, что пролетария, да еще «потомственного» и т. д., нельзя валить в одну кучу с мелкой буржуазией, если судить по его «месту в общественном производстве» (или, как у меня сказано, по его «производственной роли»).

Также мало убедительны и все многочисленные цитаты из Ленина, где оппортунизм называется мелко-буржуазным. Если тов. Лелевич, приписывая мне «отрицание» «мелко-буржуазности оппортунизма» хочет этим сказать, что я отрицаю какую бы то ни было роль мелкой буржуазии в рабочем движении, то он, конечно, взводит на меня сущую напраслину, так как ничего подобного из моей статьи вычитать нельзя. В этой статье я подчеркивал необходимость отличать либерально-буржуазный уклон «экономизма» и II Интернационала [1]) от мелко-буржуазного уклона I Интернационала. Если в этом утверждении усмотрел тов. Лелевич отрицание мелко-буржуазности оппортунизма, то такой вывод можно об'яснить только весьма распространенной привычкой просто отождествлять оппортунизм с мелко-буржуазностью, употребляя это последнее выражение не только в «неточном» смысле, но просто, как ходячее ругательное слово, совершенно оторванное от его содержания [2]).

Итак, отмечая либерально-буржуазный уклон во II Интернационале в отличие от мелко-буржуазного уклона в I, я вовсе не игнорирую той роли, какую играла мелкая буржуазия в рабочем движении, а напротив подчеркиваю, что эта роль (как и роль крупной буржуазии) существенно изменялась в разное время, а не выяснив этой разницы, мы с тов. Лелевичем не имеем никакого права толковать ни о мелко-буржуазности оппортунизма, ни о его буржуазности. Попытаюсь подробнее развить мое «странное» утверждение.

II. Роль мелкой и крупной буржуазии в рабочем движении

Посмотрим в чем заключается «мелко-буржуазность» оппортунизма «по Ленину». Как в приведенных, так и в не приведенных

[1]) Под «социальной базой» этого уклона я разумел не попутчиков, берлинских трактирщиков и т. п., как понимает, повидимому, тов. Л., а известную социальную группировку внутри рабочего класса, т.-е. «рабочую аристократию». Подробнее об этом ниже.

[2]) Как пример того, до какой степени «неточно» восстанавливается забытое содержание этого ходячего ругательного слова приведем следующее место из только что вышедших «Очерков по истории Р. К. П.» тов. В. И. Невского:

«...буржуазия, как общее правило, не работает, а получает прибыль угнетением трудящихся; средняя и *мелкая* буржуазия работает, но работа ее легкая, она заключается в помощи крупному буржуа, в помощи угнетать и обдирать рабочего, получая награду от капитала» и т. д. (курсив мой). Мы раньше думали, что крестьянин, ремесленник, кустарь, в качестве «хозяина предприятия» нередко работает как каторжный, часов по 18, и что он сам подвергается жесточайшей эксплоатации крупного капитала. Теперь же оказывается, что «работа его легкая», что он должен всего-то навсего только помогать крупной буржуазии (не работать). «Очерки», стр. 24.

тов. Лелевичем местах Ленин, многократно именуя меньшевиков, Керенских, Каутских и пр. мелкими буржуа, считает их в то же время проводниками либерально-буржуазных влияний, агентами буржуазии, на деле подчиняющими пролетариат буржуазному либерализму. Роль мелкой буржуазии в рабочем движении, конечно, не подлежит никакому сомнению. Но всегда ли ограничивалась эта роль такими скромными задачами, всегда ли мелкие буржуа были только проводниками либерально-буржуазных влияний?

Бакунизм, бланкизм, прудонизм, мютюелизм и прочие течения в I Интернационале были выражением стремлений мелкобуржуазных элементов тех отсталых стран, где мелкое производство если не господствовало безраздельно, то, по крайней мере, оспаривало свое господство у крупного промышленного капитала. Все «революционные» требования и все «положительные» реформы этих мелко-буржуазных элементов (вроде ссудного банка для мелких производителей) сводились в общем к тому, чтобы загородить дорогу крупному капиталистическому производству, утвердить и увековечить мелкое производство с его мещанским укладом общественной жизни. Впрочем, такой же по существу уклон национальной политики, если не в столь «революционной» форме мы замечаем даже в современных отсталых крестьянских странах.

Таким образом роль мелкой буржуазии в рабочем движении далеко не всегда была такою, какой определяет ее Ленин, говоря *об эпохе господства крупного капитала. В золотой век* своего существования она была проводником не либерально-буржуазных, а своих собственных, мелко-буржуазных влияний, она на деле стремилась подчинить пролетариат интересам и идеалам не крупной, а мелкой буржуазии.

Эта реакционная роль мелкой буржуазии выражалась не только в ее влиянии на рабочее движение, но и в ее борьбе против крупной промышленности и крупной буржуазии. Отмежевание от мелко-буржуазной идеологии составляло главную задачу революционного марксизма в эпоху I Интернационала, при чем марксисты нередко в своей практической политике оказывали поддержку буржуазному либерализму против апостолов мещанства, разоблачая их реакционные поползновения под революционной фразеологией.

Как известно, этой задачи — отмежевания от мелко-буржуазных, анархических течений в рабочем движении — I Интернационалу *завершить не удалось, но она вполне успешно* была осуществлена II Интернационалом, уже в самом начале его существования прочно поставившим рабочее движение на путь организованной политической борьбы. Это было большим шагом вперед в международном рабочем движении, в этом крупная положительная роль II Интернационала, которую мы не должны забывать не только при его исторической оценке вообще, но и в частности, при рассмотрении причин его упадка, при изучении «корней» его оппортунизма.

Простая ссылка на «мелко-буржуазность» этих «корней» нас уже потому не может удовлетворить, что, как мы только что отметили, именно II Интернационалу удалось то, с чем не мог справиться I Интернационал — решительно отмежеваться от мелко-буржуазных анархических течений.

Об'ективно этот успех II Интернационала выражал полную победу крупного капитала над мелким на континенте Европы. Но это уже победоносное шествие крупного капитала, ускорившее успешное разрешение главной задачи I Интернационала, таило в себе новые испытания, подготовляло и обусловливало новый непролетарский уклон в рабочем движении. С началом господства крупного промышленного капитала резко изменяется классовое соотношение сил крупной и мелкой буржуазии, а вместе с тем должны измениться роль и значение мелко-буржуазных и буржуазных влияний на рабочее движение.

Именно теперь мелко-буржуазные идеологи играют роль не столько апостолов самостоятельных идеалов мелкой буржуазии, *сколько проводников либерально-буржуазных влияний на рабочее движение*. С другой стороны, поскольку крупный капитал изживает свое прогрессивное значение в экономической жизни, поскольку он все больше втягивается в хищническую колониальную и захватническую политику, постольку либерально-буржуазные влияния превращаются в реакционно-буржуазные. Эти новые обстоятельства эпохи II Интернационала, ставя перед рабочим движением новые задачи, обусловливали иную группировку внутри самого рабочего класса.

Если раньше разделение рабочего класса (в отношении его способности и воли к борьбе) шло по линии его «организован-

ности и сознательности», то теперь это разделение идет более глубоко, по линии «аристократии» и «демократии».

Если раньше мелко-буржуазный и главным образом анархический уклон об'яснялся недостатком организованности и пролетарского сознания даже у передовых слоев рабочих, то новый оппортунистический уклон во II Интернационале обусловливается особым характером «организованности и сознательности»... верхушки рабочего класса. Мощные (особенно своими кассами) профессиональные, а частью и политические организации становятся достоянием, главным образом, рабочей аристократии, давая ей могучее орудие подчинения себе всей прочей распыленной рабочей массы, а новый оппортунистический уклон этих организаций об'ясняется не недостатком «сознательности», а сознательными уступками его аристократии — и не мелко-буржуазным, а либерально-буржуазным влияниям (кто бы ни был проводником этих влияний). С полным расцветом империализма, когда либерально-буржуазные влияния превращаются в реакционно-либеральные, «оппортунизм» выступает уже «социал-предательством».

Таким образом, выясняя «классовую природу оппортунизма», тов. Лелевич меньше всего близок к правильному пониманию этой природы, когда толкует о «мелко-буржуазном слое рабочих» и о «мелко-буржуазной природе» «рабочей аристократии». Не только в смысле места в общественном производстве, но и в смысле «близости к мелкой буржуазии» (формулировка в книжке Астрова) эта аристократия меньше всего «мелко-буржуазна» в сравнении со всей прочей рабочей массой (особенно, с «полукрестьянскими рабочими массами», не изжившими мелко-буржуазных предрассудков).

Поэтому в своих собственных цитатах из Ленина тов. Лелевич мог бы заметить, что Ленин говорит не о «мелко-буржуазных», а о «верхних слоях» пролетариата.

Совершенно неправильно понимает тов. Лелевич и роль самой мелкой буржуазии в классовой борьбе. Как класс более разношерстный и наименее устойчивый, мелкая буржуазия еще более, чем пролетариат, подвержена внутренним группировкам и, несомненно, имеет свою аристократию и свою демократию, наиболее страдающую от капиталистической эксплоатации вообще и от империалистического разбоя в особенности. Если крупная буржуазия

в империалистический период все более превращается из либеральной в реакционную, то низшие, беднейшие слои мелкой буржуазии, в особенности крестьянства, несомненно, все более решительно должны переходить на сторону пролетариата. Ведь известно же тов. Лелевичу, что основная тактическая линия Октябрьской революции (и III Интернационала) и заключается в теснейшем блоке пролетариата и крестьянства, т.-е., главным образом, мелкой буржуазией (в то время как в эпоху I Интернационала вполне правильной тактикой революционного марксизма могла быть поддержка крупной либеральной буржуазии против весьма «левых», но реакционных мелко-буржуазных элементов). Между тем, тов. Лелевич неизменно толкует о «заинтересованности рабочей аристократии и *мелкой буржуазии*» и об их союзе, как основе оппортунизма, совершенно не замечая опять-таки в своих собственных цитатах из Ленина, что там говорится в связи с основой оппортунизма только об «*известных слоях* мелкой буржуазии» или о «*верхних слоях* мещанства».

III. Интеллигенция как «фактор» оппортунизма.

Особенную «неверность моих взглядов» тов. Лелевич видит в том, что я не коснулся «такого важного фактора оппортунизма, каким является мелко-буржуазная интеллигенция в рабочем движении». И дальше, «без всякого труда», парой цитат, он устанавливает «мелко-буржуазный характер» «мелко-буржуазной интеллигенции».

Если об'яснять оппортунизм мелко-буржуазностью — значит ничего не об'яснять, то говорить об интеллигенции, как об особом «факторе» оппортунизма и рабочего движения без всякой связи с динамикой классовой борьбы, как это делает тов. Лелевич,— значит безнадежно сбиваться с марксистской точки зрения на эс-эровскую. В самом деле, для эс-эров интеллигенция (на-ряду с рабочими и крестьянством) была самостоятельным носителем социализма, особым «фактором» социалистического движения.

У тов. Лелевича разница с эс-эрами только в том, что эта интеллигенция, как особый «фактор» рабочего движения, является постоянным и неизменным врагом-соблазнителем рабочего класса, сбивающим его на путь оппортунизма.

Из истории нашего русского рабочего движения мы знаем, что даже народническая интеллигенция сыграла немалую революционную роль в этом движении, что при всей своей мелкобуржуазности она способствовала пробуждению классового сознания рабочих. О громадной революционной роли марксистской интеллигенции и говорить не приходится. Тов. Лелевич, так усердно цитирующий Ленина, напрасно не вспомнил о том, наделавшем в свое время много шума, «необычном» положении Ленина, что и самый социализм-то привносится в рабочее движение «извне», т.-е. из той же мелко-буржуазной и даже буржуазной интеллигенции.

Это, конечно, не исключает того обстоятельства, что в известный момент и при известных условиях та же интеллигенция в общем становится оппортунистической, служит проводником буржуазных влияний. Но историк-марксист и должен здесь проследить, когда и при каких именно условиях борьбы самого рабочего класса та же самая интеллигенция превращается из «революционной бациллы» в «образованную слякоть» (как говорил Энгельс) или в «чуждый элемент» (как говорят сейчас у нас).

В доказательстве важности названного «фактора» тов. Лелевич, злоупотребив лишний раз сочинениями Ленина, цитирует:

«Не слыхал ли Б. Кричевский о том, уже подмеченном факте», что именно широкое участие в социалистическом движении *последних лет* слоя «академиков» обеспечило такое *быстрое* распространение бернштейнианства»? (Курсив мой). Тов. Лелевич не замечает, что быстрота распространения оппортунизма в определенное время еще ничего не говорит о причинах его появления и успеха и что Ленин и здесь вовсе не склонен считать «академиков» каким-то самостоятельным «фактором» оппортунизма. Напротив по случаю этой цитаты, мы должны задать вопрос тов. Лелевичу:

Не слыхал ли тов. Лелевич о том, уже давно известном факте, что само-то бернштейнианство было попыткой подвести соответствующую теорию под уже определившуюся оппортунистическую практику в германском рабочем движении? Напомним только мудрый совет И. Ауэра (кстати, не «академика», а рабочего) Эд. Бернштейну по поводу разгоревшихся в связи с «бернштейниадой» споров: «Милый Эдде, ты осел. Об этом не говорят, это делают».

Н. Батурин.

Аграрное движение 1905 г. в Тамбовской губернии.

(По архивным материалам.)

I.

Характеристика источников, относящихся к аграрному движению. — Размеры и картина движения.

Крестьянин и помещик, рабочий и капиталист, это — две пары вековечных антагонистов, олицетворяющих вековечную борьбу, которая то глухо тлеет, то вспыхивает и разгорается в яркое пламя социальной революции, как это случилось в 1905 году. Инициатива революции 1905 г. принадлежит городам: 9 января, волна забастовочных движений, охватившая страну, все время нарастала, пока не разразилась всеобщей политической забастовкой, вынудив у царского правительства манифест 17 октября. «Решающие события революции разыгрались в городах. Но и деревня не молчала. Она начала шумно шевелиться, — неуклюже, спотыкаясь, как бы спросонок, но уже от первых ее движений волосы встали дыбом на голове у господствующих классов» [1]).

Предвестники крестьянской грозы сказались еще в первые годы XX столетия. Таковы крестьянские движения 1902 года в Харьковской и Полтавской губерниях, всполошившие правительство и правящие классы и подавленные мерами жестокой репрессии. В 1905 году деревня поднималась кой-где уже с весны. Но массовый характер аграрное движение приняло лишь после октябрьской политической забастовки. Оно охватило огромный район центрально-черноземных и южных гу-

[1]) Троцкий «1905», стр. 179.